

— Это, должно быть, наследник князя Сяояо, который недавно прибыл в столицу.

Подняв глаза и увидев третьего принца, Цзян Лююй внутренне содрогнулся, но внешне не подал вида, лишь незаметно высвободив свою руку из захвата Е Сюя, прежде чем с улыбкой поклониться:

— Цзян Лююй приветствует Его Высочество третьего принца. Да пребудет Ваше Высочество в здравии.

—

— Вы снова и снова повторяете одно и то же, вам не надоело? Давайте уже перестанем с этими церемониями.

Е Сюй, почувствовав, как его рука была отпущена, хотя и заинтересовался этим, не обернулся к Цзян Лююю, а вместо этого поднял голову и, глядя прямо на Е Жуя, протяжно произнес:

— Братец, не уводи разговор в сторону. Я только что видел, как вы тут собрались играть, но почему, как только я появился, все разбежались? Разве я чума?

Е Жуй, услышав эти бесцеремонные слова своего брата-шуана, почувствовал головную боль, и его выражение лица стало строже:

— Ты все больше теряешь чувство меры. Разве можно так легко бросаться словом «чума»?

Е Сюй, увидев недовольство в глазах Е Жуя, слегка съежился, словно испугавшись, и машинально потянулся к нефритовому браслету на своей руке, бормоча в ответ:

— ...Хорошо, не буду, не буду. Но ты должен мне сказать, что вы тут делаете, и не скрывать от меня, иначе я не отстану.

— Ладно, ладно, я действительно боюсь тебя.

Е Жуй знал, что если Е Сюй пришел, то он редко отступает от своего намерения, и с легким вздохом сложил складной веер в руке, бросив взгляд на Цзян Лююя, который все еще стоял с опущенной головой, тихо слушая их разговор, и мягко сказал:

— На самом деле, ничего особенного. Перед твоим приходом мы просто соревновались в живописи.

Не успел он закончить, как поднял голову и указал веером на людей в беседке, остановившись на темной фигуре, с улыбкой добавив:

— Видишь, вон там, принц Нань как раз склонился над своим рисунком.

«Ах, этот мерзавец появился».

Принц Нань.

Цзян Лююй глубоко вдохнул, приказывая себе не выходить из себя на месте, но ненависть, которую он не мог сдерживать, в тот момент прорвала все его маски, и легкая улыбка на его губах исказилась, а в глазах загорелся темный огонь, словно он мог в любой момент сжечь его дотла.

Его кровь превратилась в ядовитых змей, боль и истерия, словно волна, накрыли его с головой, и в ушах раздавалось шипение змеиного языка. Пальцы в рукаве сжали ладонь так сильно, что казалось, он вот-вот шагнет вперед, вытащит кинжал, спрятанный в сапоге, и на глазах у всех проткнет того человека десятком ударов. Но он сдержался.

Это чувство было в разы сильнее, чем то, что он испытывал, когда собирался встретиться с Цзян Хуэй.

В этот момент даже холод в груди больше не ощущался.

Да, человек, которого он ненавидел больше всего, появился. Как он мог не быть в восторге?

— Соревнование в живописи?

Е Сюй, стоящий неподалеку, совершенно не видел происходящего здесь, но, услышав это, его глаза загорелись, и он громко воскликнул:

— Братец, это звучит интересно, я тоже хочу участвовать!

Е Жуй, увидев, что он, как и ожидалось, собирается устроить беспорядок, с головной болью прикрыл лоб рукой, подтянул Е Сюя к себе и, наклонившись к его уху, спросил:

— Что ты опять задумал? Это резиденция дяди Цзян Луюя, и сейчас молодой князь отсутствует. Если ты устроишь здесь сцену, это будет ударом по его репутации, а также по репутации Цзян Луюя, с которым ты только что познакомился.

Эти слова не помогли. Едва Е Жуй закончил, как Е Сюй с блеском в глазах посмотрел на Цзян Луюя, который стоял неподалеку, спокойный и величественный, словно благородный молодой господин, и никто не заметил, как в его душе бушевали эмоции. Он намеренно показал еще больший интерес, схватил рукав Е Жуя и, надув губы, пожаловался:

— Но... хм, я знал, что если выйти с третьим братом, мне не будет весело.

Е Жуй смотрел на своего брата-шуана с беспомощностью, на мгновение потеряв дар речи.

Е Сюй, казалось, был очень зол на такие слова, и, возможно, думал, что ему не дают играть из-за двух людей из резиденции князя. Его взгляд скользил между Цзян Луем и Цзян Янем. Е Жуй, видя, что ситуация ухудшается, уже собирался снова успокоить его, как вдруг Е Сюй уставился на Цзян Луюя, и на его губах появилась загадочная улыбка:

— Если братец так говорит, то я могу не устраивать беспорядок. Но если братец считает, что мое участие в соревновании — это удар по репутации Цзян Луюя, то я хочу с тобой поспорить! Когда Цзян Луюй шел со мной, он уже слышал об этом и собирался соревноваться с вами. Если я позволю ему участвовать, вы не сможете сказать, что это я устроил беспорядок.

— О?

Е Жуй, еще думавший, как успокоить Е Сюя, был удивлен таким ответом и с любопытством поднял голову, посмотрев на Цзян Луюя, которого назвали, и мягко спросил:

— Цзян Луюй хочет соревноваться в живописи?

Соревноваться в живописи? С Нань Цзинлуном?

Цзян Луюй слегка улыбнулся, но не ответил сразу. В глубине его глаз вспыхнула ярость и жажда убийства. Заставить его соревноваться с Нань Цзинлуном — разве это не значит осквернить свои руки?

Нань Цзинлун был всего лишь заложником из Дацзиня, нелюбимым принцем. Он не должен был так открыто стоять здесь, окруженный вниманием и лестью знати Далуна, и уж тем более не должен был пользоваться покровительством наследного принца Далуна, чтобы укрепить свое положение.

Когда он вспоминал о действиях Нань Цзинлуна, в его сердце оставалась только бесконечная ненависть и отвращение.

Но он только что познакомился с восьмым принцем, и, не успев углубить отношения, этот переменчивый принц уже хотел поставить его в неловкое положение. Если бы он притворился, что не умеет или не может, и просто отступил, как бы он смог утвердиться среди знати Далуна?

Поэтому, раз уж Е Сюй сказал это, даже если он чувствовал отвращение к Нань Цзинлуну и не хотел даже смотреть на него, это соревнование было неизбежно.

Хорошо.

Когда Нань Цзинлун был заложником в Далуне, он всегда умел демонстрировать свои достоинства. Его мастерство в живописи было известно в столице, и когда Цзян Луюй женился на нем, он даже нарисовал его в подарок. Теперь это вызывало только отвращение. Раз так, пусть он нарисует картину и сломит его самоуверенность.

Думая об этом, Цзян Луюй не отказался. Для посторонних он лишь слегка замешкался, а затем на его лице появилось выражение легкого затруднения, но в его словах не было и намека на скромность, скорее, они звучали как вызов:

— То, что сказал восьмой принц, — это и мои слова. Когда я шел с Его Высочеством, я уже слышал об этом и, вспомнив, как отец учил меня годами, почувствовал желание соревноваться. Это была моя оплошность, но восьмой принц настаивает, чтобы я участвовал.

Годы обучения отца?

Е Сюй, стоящий рядом с Е Жуюем, холодно наблюдал за Цзян Луюем, который, стоя на месте, только что испытывал его своими словами, и теперь, переложив вину на него, ждал, как он ответит. Но он получил такой ответ, что слегка нахмурился, пристально глядя на человека перед собой.

Кажется, он действительно забыл, что отец этого наследника, князь Сяояо, когда-то был известен как первый талант столицы, и его мастерство в живописи было непревзойденным.

Теперь все испорчено. Он хотел заставить его опозориться, но неожиданно стал его орудием.

Когда он был в замешательстве, Цзян Луюй без остановки продолжил, его взгляд был спокоен, а на лице играла улыбка:

— Я не хотел гнаться за славой, но, раз уж третий принц спрашивает, а вокруг столько выдающихся людей столицы, я, видимо, должен участвовать. Надеюсь, все будут снисходительны к моей работе.

<http://bllate.org/book/17692/1651007>